

Н.В. Трофимова
ИЗОБРАЖЕНИЕ РУССКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ
В «МАЗУРИНСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ»

Аннотация: События, отраженные в «Мазуринском летописце», охватывают славянскую историю от легендарных правителей славян до Петра I. К концу XVII в. существовала обширная традиция изображения русских князей в летописных сводах с древнейших времен, в житиях, воинских повестях, «Степенной книге» и публицистических произведениях эпохи Смуты. Автор «Мазуринского летописца» Исидор Сназин использовал возможности этих жанров. Изложение истории Руси как покровительствуемого Богом государства требовало отбора фактов и построения определенной системы образов правителей. Правители-язычники изображены, часто с помощью гипербола, на основе летописей как могущественные воины, ведшие успешные битвы с врагами и прославленные силой, хотя в сравнении с рассказами «Повести временных лет» сведения о них значительно сокращены. Из этого круга правителей только Рюрик, кратко упомянутый Сназиным, в дальнейшем появляется как предок русских князей. Для отражения основных вех истории Московского государства летописец использовал образы московских правителей и их прямых предков, подробно представленных в «Степенной книге», создатели которой изобразили их идеальными персонажами. Значительная часть этих образов в летописи Сназина также идеализирована, с помощью изображения через действия, оценку другими персонажами, в восхваляющих характеристиках, созданных приемами эмоционально-экспрессивного стиля. В соответствии с летописной традицией наряду с идеальными персонажами появляются правители, изображенные реально-историческим способом, проявляющие разноплановые качества в зависимости от хода событий. Князья — современники героев «Степенной книги» — изображены подробно в тех случаях, когда с их правлением связана жизнь святых, знамения и чудеса. В характеристиках царей XVII в. заметно усиление документально-церемониального стиля, не использованного в предшествующем повествовании, и ослабление эмоциональных характеристик.

Ключевые слова: Исидор Сназин, «Летописный свод 1652 г.», «Мазуринский летописец», приемы изображения персонажей, система образов, «Степенная книга».

Nina V. Trofimova

**RUSSIAN RULERS' PORTRAYALS
IN THE MAZURINSKY CHRONICLE**

Abstract: The article examines Russian rulers' portrayals in the *Mazurinsky Chronicle*. The events reflected in the *Mazurinsky Chronicle* cover the period from legendary rulers of Slavs to Peter I. By the end of the 17th century there was an extensive tradition of depicting Russian princes in the chronicles from old times, in the lives (*vitas*), in the military narration, *The Book of Degrees of the Royal Genealogy*, and in the publicistic works of Time of Troubles. Isidor Snazin is the author of the *Mazurinsky Chronicle* who used the possibilities of all these genres. The presentation of Russian history as a God-patronized state required selection of facts and construction of a certain system of the rulers' images. Pagan rulers are depicted, often with the help of hyperboles, on the basis of chronicles as powerful warriors who fought successful battles against the enemies and glorified by force, although in comparison with the stories of the *Tale of Bygone Years*, information about them is significantly reduced. From this circle of rulers, only Rurik, briefly mentioned by Snazin, later appears as the ancestor of the Russian princes. To reflect the main milestones in the history of the Moscow state, the chronicler used images of Moscow rulers and their direct ancestors, presented in detail in *The Book of Degrees of the Royal Genealogy*, the creators of which depicted them as ideal characters. A significant part of the images in the chronicle of Snazin is also idealized, by depicting in the actions, evaluation by other characters, in praising characteristics created by techniques of an emotionally expressive style. According to the chronicle tradition, together with ideal characters, rulers appear depicted in a real-historical way, showing diverse qualities depending on the course of events. The princes, contemporaries of the heroes of *The Book of Degrees of the Royal Genealogy*, are depicted in detail when the life (*vita*) of saints, portents and wonders are connected with their rule. In the characteristics of the kings of the 17th century the documentary-ceremonial style appeared, which was not used in the previous narrative, and emotional characteristics were weakened.

Keywords: Isidor Snazin, Chronicle of 1652, *Mazurinsky Chronicle*, techniques of portraying characters, character system, *The Book of Degrees of the Royal Genealogy*.

«Мазуринский летописец» (далее — МЛ), завершенный около 1682–1683 гг. Сидором (Исидором) Сназиным в патриаршем скриптории [2, с. 27–36], — один из самых полно охватывающих историю Древней Руси летописных сводов, который рассказывает о событиях от библейских времен до начала правления Петра I. Традиционным

средством изображения персонажей в летописях была передача их действий, значимых для Руси и в то же время свидетельствовавших о личных качествах исторического лица. Кроме того, с древнейших времен некоторые князья получали некрологическую характеристику, содержащую перечисление их главных деяний либо основных качеств. Иногда она превращалась в похвалу, в которой использовались торжественные эпитеты, метафоры, сравнения, библейские цитаты. С XV в. в летописи начал проникать эмоционально-экспрессивный стиль, расширивший возможности изображения исторических лиц: значительную роль начали играть молитвы и плачи, раскрывающие чувства и намерения героев, а в XVI в. появление «Степенной книги царского родословия» (далее — СК) способствовало активизации художественных средств, направленных на идеализацию персонажей. Эпоха Смуты вызвала глубокий интерес к личностям и поступкам правителей, заставляя авторов обращаться не только к фиксации их действий, но и к размышлениям об их причинах.

Рассказывая о русской истории, Исидор Сназин основывался прежде всего на летописном материале, поэтому характеристика князей через их поступки, выявляющие общие черты: храбрость и мужество, заботу о безопасности своей земли, полководческие качества — остается самой важной для МЛ. Цель летописца — показать христианскую историю Московской Руси как государства, находящегося под Божьим покровительством, — определяла отбор фактов и средства изображения. В то же время использование обширного круга литературных источников [6, с. 122–124] влияло на изображение правителей.

Первую группу образов составляют славянские правители легендарных времен и князья-язычники. Словен, Рус, их потомки, а также Лалох и Лахерн изображены на основе Летописного свода 1652 г. (далее — ЛС1652). Согласно летописи, имена членов их семейств дали топонимические названия не только в Новгородской земле, но и в Византии. Подчеркивается могущество и обширные завоевания правителей-воинов. Словен и Рус «*хождаху по странам вселенная, яко крылатии орли прелетаху пустыни многии, ищуще себе места на селение*» [7, с. 11] (Здесь и далее выделено мною. — Н.Т.). Потомки Словена и Руса, которые «*налезюша богатства много мечем своим и луком, и обладаша же и северными странами и по всему Поморию, даже*

и до предел Ледовитаго моря» [7, с. 12], а владения их простирались по Печоре, Выми и Оби, воевать ходили «на египетския страны... и во иеросалимских странах и варварских» [7, с. 12]. Летописец приводит легенду о письме Александра Македонского к словенорусским князьям, в котором признавалось их исключительное право владеть землями «от Варяжского моря до Хвалынского» [7, с. 13]. Главным средством изображения этих князей служит рассказ об их действиях, а приемом — гипербола. Исключение составляет яркая мифологическая характеристика старшего сына Словена Волхова: «бесоугодник и чародей лют»; «преобразуяся во образ лютаго зверя крокодила», он пожирал и топил не покоряющихся ему людей, основал городок Перыня с кумиром Перуна, а сам «зле разбиен бысть и удушен от бесов в реце Волхове», после чего язычники с плачем похоронили его, но через три дня «проседся земля и пожре мертвое тело крокодилово, и могила его проседся с ним во дно адово, иже и доньне, яко же глаголют, знак ямы тоя не наполнится» [7, с. 12]. Летописец делает акцент на языческой сущности и страшном наказании персонажа, что соответствует проводимой в дальнейшем мысли о промыслительном значении принятия христианства для славян.

В духе легенды, изложенной многими источниками, «премудрым» [7, с. 28] рисуется Гостомысл, давший совет для прекращения распри искать правителя из рода Августа-кесаря, убеждая соотечественников: «несть сраму вам таковым покоритися» [7, с. 28]. Это первый (и один из немногих) правитель, наделенный прямой речью.

Рассказы о трех братьях-полянах, основавших Киев, о Рюрике, Аскольде и Дире, кратки, повторяют предшествующую летопись и не содержат прямых характеристик. Князья-язычники Олег, Игорь и Святослав изображены в соответствии с летописной традицией в действии, но сведения об их победоносных походах приведены в предельно сокращенном виде. Подробнее всех из них показан Святослав, как неутомимый, быстрый и неприхотливый воин с помощью характеристики автора, восходящей в конечном итоге к «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), суждения византийского императора «воин непобедим и ничто же приемлет, токмо оружие» [7, с. 40], и обобщенной гиперболической оценкой ранних походов: «храбростию своею всюду побеждая супротивныя ему» [7, с. 40]. Смягчен появлявшийся дважды в ПВЛ мотив недалёковидности князя, не умеющего предви-

деть последствия своих действий. Однако дважды упомянуто о том, что он не принял христианство, несмотря на уговоры матери, что для летописца, несомненно, было недостатком, хотя он и добавляет, что Святослав не возбранял желающим принять новую религию. Основные качества всех этих правителей в МЛ — воинская доблесть, полководческий дар, могущество, главным средством изображения служит рассказ об их деяниях, часто гиперболизируемых, иногда появляются характеристики другими персонажами, используются отдельные оценочные эпитеты и сравнения. Сокращение первоначальных летописных рассказов о подвигах этих правителей, вероятно, связано с тем, что они были язычниками, поскольку, начиная с княгини Ольги, характер изображения изменяется.

В дальнейшем повествовании летописи образы князей можно разделить на главные и второстепенные. Главные — московские князья и цари и их прямые предки. Наибольшее внимание уделено тем правителям, чьи агиобиографии составляют основу граней СК, которая послужила основным источником для рассказов об этих персонажах. Многие князья изображены, как и в источнике, идеализированными.

В повествовании о княгине Ольге кратко пересказанные летописные известия пересекаются с материалом СК, оценочное начало в характеристике героини усиливается использованием похвальных эпитетов. Ольга названа «премудрой и блаженной» [7, с. 37], «*премудроу и красною* девицею, правнукою Гостомысловою, от Пскова» [7, с. 39]. После сообщения о смерти Игоря Ольга именуется «великой княгиней» и идеализирующая характеристика ей дана с помощью эпитетов и гиперболы: «*все государства Росийския в свою власть прият* и не яко сосуд женеск немощен, но аки и *крепчайшии* монарха или *самодержец* всеми княжениями Росийскими *благоразумно* правляше, *дивну же велию дерзость* от убиения государя своего Игоря восприяша» [7, с. 39]. Приняв крещение, княгиня «многих в Росии крестила» [7, с. 39]. Известие о ее кончине также сопровождается оценочными сложными эпитетами: «*память добру благочестия* всем нам остави», «*пребысть же во святом крещении благочестно и богоугодно* до старости масти-ты лет 15» [7, с. 40]. Акцент сделан на качествах княгини как успешной правительницы и благочестивой христианки.

Гиперболическая обобщенная характеристика деяний Владимира как правителя помещена после краткого рассказа о уوبيце сыновей

Святослава: «Лета 6487, а от рожества Христова 988-го великий князь Владимир Святославич, внук Игорев, правнук Рюриков <...> всю Русию полунощную, восточную, полуденную, Белую и Чорную к своей власти приведши, нача зватися царем и великим князем и самодержцем Российским, созда же град велик и красен пятнадцать верст от Киева, нареکشю его Белгород, и престол княжения Великоновгородскаго х Киеву пренесе» [7, с. 41]. Повествование о жизни Владимира подробное и последовательное, с дублировкой отдельных событий, по ходу которых князь неоднократно характеризуется эпитетами: «христолюбивый самодержавец», «блаженный и равноапостольный великий князь» [7, с. 47], «преблаженный», «боголюбивый» [7, с. 48]. Сназин соединяет сведения летописей и СК, в том числе прямо заимствуя из нее характеристику князя как просветителя Русской земли: «Святой, иже великий князь Владимир, при ево державе не токмо тогда древнии грады просвещашуся благочестием, но и на пустых местах многия грады созидаю, и в них святыя церкви воздвизая и благочестием исполняя» [7, с. 49]. В характеристике Владимира Святого соединяются черты христианского просветителя, объединителя русских земель, победителя врагов, храмо- и градостроителя. Его значение для Руси подчеркнуто отношением к нему народа, выраженным в описании посмертного плача: «И падаху бо вся множество людей на колену и плакахуся о нем: боляре почитаху яко отца, народи аки заступника, сироты — помощника, вдовицы и нищии — печальника и кормителя; и яко живу ему поклоняхуся и раку целоваху, благодетеля по Бозе того называюще и предводителя к Богу и просветителя, яко от тмы всех преведше свету» [7, с. 50]. Используемые эпитеты и заключительная световая метафора дополняют предшествующую характеристику через события.

Вступление на киевский престол Владимира Мономаха отмечено гиперболой, подчеркивающей военную мощь князя: «...его же вся страны трепетаху боящися» [7, с. 56]. Справедливость этой оценки подтверждается легендой о походе войска Владимира на Фракию и историей появления знаков императорской власти на Руси, широко известными по памятникам XVI в.: «...великий князь Владимир Всеволодич наречется первый помазанник по Манамах Константине цари в Киеве царь и Манамах великия Руси» [7, с. 57], «боговенчанный царь и великий князь» [7, с. 58]. В связи с кончиной летописец именует

Владимира *«благочестивый князь, первоначальный царь в Киеве и всея Руси самодержец»* [7, с. 58]. Если в древнем летописании Владимир прежде всего успешный полководец и воин, победитель половцев, то для летописца XVII в. самым важным оказывается обретенный им царский титул.

Идеализирован Сназиным образ Юрия Долгорукого как основателя Москвы. Летописная статья 6655 (1147) г. начинается словами «О Московском господоначальстве» [7, с. 59], после чего упоминаются степени Георгия (Юрия) от обоих Владимиров и от Рюрика. Здесь же дана украшенная эпитетами характеристика, объединяющая Юрия и современных летописцу московских государей: «Аще и не в Киеве тогда начальствуя, но в Суздале государствуя и в Ростове, сий великий князь Георгий Владимирович в *богоспасаемом* граде Москве государствуя, обновляя в нем *первоначальное скипетродержание благочестиваго* царствия, идеже ныне *благородное* их семя царское преславно царствуют, десницею божественнаго промысла укрепляеми и *благодатию его соблюдаеми* <...>. Боголюбивый же великий князь Георгий Владимирович любовью божиею разгорашеся и от многого усердия многии святыя церкви постави в славу Богу» [7, с. 59]. Правлению Юрия уделено значительное внимание, перечислены построенные им церкви и заложенные города, особо отмечено принесение в Киев из Царьграда иконы Богоматери, названной затем на Руси Владимирской. В идеализирующих тонах, полностью противоречащих свидетельствам о борьбе князей за киевский престол в ранних сводах, представлено его вокняжение и правление в Киеве как благополучное, что акцентировано повторами: «*Истинный же кореноплодитель благочестиваго семени* Георгий Владимирович Мономахов, рекомый Долгорукий, правнук равноапостольнаго Владимира, слышав *нестройно и мятежно и строптиво державство* в Киеве бываемо, зжалися, пакиня Москву, прииде сам в Киев; *державствуя* в Киеве Изяслав Мстиславич; и Изяслава выслав, не желая кровопролития, но любовным смиренномудрием созва к себе вся своя сродники, и мир сотвори с ними, и *державствова* в Киеве благодаря Бога и раздая грады сыновом своим и сыновцем» [7, с. 60]. Сообщение о смерти князя подводит итог его правлению, вновь восхваляя его: «Великий же князь Георгий Владимирович Долгорукий в Киеве *благоденственно и мирно самодержавствова* и вся по Бозе *добре* управи, с миром ко Господу

отъиде...» [7, с. 61]. Сложные восхваляющие эпитеты, характеризующие правление Юрия, противопоставляют его Изяславу, княжившему в Киеве до него, а настойчивое повторение слова «державство» и родственных ему подчеркивает его связь с последующими самодержцами московскими, предком которых он был.

Сходная характеристика через действия и эпитеты дается Всеволоду Юрьевичу. В сообщении о вступлении на престол Всеволод назван «*богохранимым великим князем*» [7, с. 65]. Летописец говорит о перестройке князем Успенского собора и восхваляет его, приводя рассказ о видении храма и всего Владимира на воздухе Всеволоду и его воинам, одновременно гиперболизируя могущество князя: «И такову *благодать самодержец* Всеволод получи, бысть имя его *славно по всей земли, и на татарех дань имал и владел всею землею Рускою и до моря Волгою*» [7, с. 65]. С княжением Всеволода связано церковное строительство, появление во Владимире новой святыни — доски с гроба Димитрия Солунского. Эпитетами и тавтологическим сочетанием оценивает Сназин князя, рассказывая о его смерти и оплакивании всеми близкими: «*самодержавный великий князь*» «и *плакашеся* по нем сынове его *плачем велием* и весь синклит его, яко лишени быша такового *благородна и добродетельна* самодержца...» [7, с. 67].

В летописных статьях 6747 (1239), 6749 (1241), 6756 (1248), 6757 (1249), 6771 (1263) гг. помещены сведения об Александре Невском, содержащие отдельные эпизоды жития. Важным приемом характеристики князя, наряду с рассказами о его деятельности, служат оценки его разными персонажами. Андреяш пришел на Русь, «хотя видети *мудрость и мужество, и дивный возраст храброго* Александра, яко же древле царица Южская прииде к Соломану видети премудрость его» [7, с. 72]. Не только эпитеты, характеризующие внешность князя, но и аналогия с приходом царицы Савской к Соломону подчеркивают значительность личности Александра. Оценка иноземцем князя гиперболична: «зело удивися *красоте лица* его и *чюдному возрасту*, но и паче же видя *Богом дарованную ему премудрость и непримерный разум* и не ведяще яко нареци его, и в велице недоумении *бысть*» [7, с. 72]. Эпитеты раскрывают качества, данные князю от Бога, а замечание о том, что иноземец не нашел слов для оценки, подчеркивает его исключительность.

В момент прихода послов от Батые дается характеристика душевного состояния Александра, что было не частым явлением в МЛ: князь «печален бысть и велми боляше душою и недоумеяшася, что сотворити» [7, с. 73], но после наставления епископа и причащения «пойде, радостию благодаря Бога» [7, с. 73]. Дана и оценка князя с точки зрения врага. Когда Александр, отказавшись поклониться идолам, сказал Батыю: «Тебе, царю, кланяюся, понеже Господь почтил тебя царством, а твари не поклоняюся» — хан «*похвали его пред всеми и почтив...*» [7, с. 73].

В рассказе о кончине Александра с помощью эпитета и метафоры передаются чувства подданных и самого книжника по отношению к нему: когда он прощался с близкими, «всии *горце плачущесе* о разлучении господина своего» [7, с. 74]. Митрополит называет его «солнце Руския земли» [7, с. 75]. Когда прошел слух о смерти Александра, «бысть во всем народе *плач неутешим*» [7, с. 75], а сцена похорон во Владимире сопровождается яркими гиперболами: «не бе слышати гласа поющих от *многого вопля и рыдания* народного, яко и *земли потрястися*» [7, с. 75]. «Страх и ужас» испытали все видевшие чудо с прощальной грамотой, понимая, что «прослави Бог угодника своего» [7, с. 75].

Авторская характеристика в последнем эпизоде содержит эпитеты «пречестная и блаженная душа» [7, с. 74], «святая душа», «благоверный великий князь», «богодарованная ему держава» [7, с. 75]. Благодаря использованию текста жития, идеализирующая характеристика Александра пространна и дана разнообразными средствами, подчеркивающими богоизбранность князя.

Первый из московских князей Даниил Александрович упомянут в летописной статье 6783 (1275) г., где сообщается о правлении его в Москве [7, с. 75]. Затем он появляется в рассказе 6804 (1296) г. о совете князей, на котором ему было дано Переяславское княжество. В летописной статье 6810 (1302) г. помещен заголовок «Начало великого княжения московскаго от великого князя Данила» [7, с. 81] и обозначены степени родства от Рюрика. Под следующим годом, сообщая о смерти князя, который «на Москве *бogoугодно* господствуя» [7, с. 81], воздвиг монастырь в честь своего святого покровителя, летописец характеризует чувства и поведение Даниила как доброго христианина, используя эпитеты: «И тако *теплейшим к Богу* желанием в той *чест-*

ной обители и сам ся сподоби пострижен быти в святыи аггельский образ богоподражательного иноческого жития. И тако в последнем смиренномудрии к желаемому Христу отъиде <...>. Конечного же ради смирения не изволи в церкви положен быти, но на монастыри, иде же и прочию братию погребаху» [7, с. 81].

Сын Ивана Даниловича Иван Иванович представлен скромнее: из его деятельности упоминается поездка к хану для получения московского княжения. Центральное место в повествовании о правлении этого князя занимают рассказы о двух поездках в Орду митрополита Алексия, а Иван выступает только в роли просителя. Летописец обращает внимание на краткость его правления и стремление князя к спасению души, подчеркнутое развитой антитезой земного и небесного: «оставляет земное царство и, небеснаго желая получитьи, во иноческий облечеса образ, яко ни во что же вменив честь и славу и красоту мира сего <...> усердно своему спасению внимаше, от Бога надеяся восприяти в земных место небесная. И с таковым теплейшим желанием с миром к Богу отъиде, от него же восприем небесная селения и царство бесконечное» [7, с. 87].

Передааны летописцем основные моменты жизни Дмитрия Ивановича: начало княжения с упоминанием степеней, женитьба, пространно отмечено строительство каменной стены в Москве, в связи с которым дается оценка деятельности князя: «Лета 6875-го великий князь Димитрий Иванович заложи преславный град Москву каменну и со всем соверши, в нем же живый, добрым подвигом подвизаяся и мудрствуя о души полезная и о всякой духовной совести, ему же дарова Бог благия советники и нелестныя собеседницы, богоносные отцы и учителие...» [7, с. 88].

Обращается внимание на особое уважение Дмитрия к митрополиту Алексию, заставившее его после произошедшего посмертного чуда святителя нарушить его волю и похоронить в церкви, а не за храмом, как просил Алексий. В развернутой погодной записи сообщается о Куликовской битве, чуть подробнее о походе в Новгород и наведении порядка в новгородских землях. В рассказе об этих событиях летописец характеризует Дмитрия эпитетами: «благочестивый», «христороубивый» и «благодарный» [7, с. 88, 89].

Подробно рассказывая о кончине Дмитрия, Сназин говорит о всеобщем плаче во время его погребения, используя множество эпитетов

тов: «святая и непорочная душа», «тело благородное и честное», «благодарный великий князь» «доблестенныя его подвиги и богоугодное житие» [7, с. 91], упоминает о посмертных чудесах, световые образы которых подчеркивают святость князя: «Лице же его *просветися*, яко аггелу» [7, с. 91], а у гроба его в Архангельском храме «*свеща возгореса* сама от себе, и *горяща* на многи дни *необычным светением*, воску же не умоляшеся» [7, с. 91].

Восхваляющие Дмитрия и Евдокию эпитеты содержатся и в панегирическом сообщении о рождении их сына Василия, которому в этот момент дана характеристика с помощью сложных эпитетов, среди которых преобладают излюбленные книжником слова с корнем «благо»: «Лета 6879-го родися державный и **благословеннаго** семени **благородный** наследник **благочестивый** и боголюбивый и царскоименитый великий князь Василий Дмитриевич от родителей **благородных** и *праведных* и *ублажению достойных*, от отца *прехвальнаго в мужестве* царя рускаго великаго князя Димитрия Ивановича, рекомаго Донского, <...> от матери *святыя и великия* княгини Евдокеи» [7, с. 91]. Использование тропов в этом фрагменте сходно с житийным стилем «плетения словес».

Так же торжественно сообщение о вокняжении Василия Дмитриевича: «Лета 6898-го августа в 15 день великий князь Василий Дмитриевич *от всех убо желанно* на отческом ему престоле во граде Владимире со славою посажается и *царьским венцом и диадимой* // украшается в самый праздник всечеснаго Успения Пречистыя Богородицы. И оттоле прииде в *преименитый* град Москву и **благостройно** державствова в тишине и **благоденствии**» [7, с. 91–92].

Упоминаются основные события правления Василия: поход против взбунтовавшихся новгородцев, отказавшихся платить дань московскому князю и митрополиту [7, с. 92]; успешный поход на Казань в 6904 (1396) г., куда Василий, «ревностию божиею подвижеся на паганяя татары» [7, с. 93], отправил войско с братом Георгием во главе; чудесное спасение Москвы от нашествия Темир-Аксака благодаря решению князя принести в город икону Владимирской Богоматери. Включенные Сназиным в летопись краткие редакции повестей о явлении икон Богородицы Тихвинской и Колочской вкупе с этим событием подчеркивают богоугодный характер правления Василия Дмитриевича.

Торжественно отмечает летописец рождение наследника у Василия: «Лета 6923 призре Бог милосердием своим на великого князя Василья Дмитриевича, родися ему *по божию извещению* сын Василий, *изрядный наследник* державе его, рускому царствию» [7, с. 101].

Сообщение о смерти Василия Дмитриевича пространно и соединено с сообщением о воцарении его сына: «**Богохранимый** же великий князь Василий Дмитриевич **благочестно** державствова русским царствием во Владимире и на Москве 36 лет, от рождения же его всех 55 лет **боголюбезно** поживе <...>. Его же **богохранимыя** великия державы Руския *изрядный приемник* бысть и **благословенный** наследник, иже преже рожения от Бога нареченный *отчеименитый* на царство московское сяде сын его Василий...» [7, с. 102]. Однокоренные эпитеты подчеркивают выраженную до этого через ход событий самую важную для летописца мысль: в правление Василия проявилось несомненное покровительство Божие Московскому княжеству.

В сообщениях о важнейших событиях княжения Василия Васильевича преобладают небольшие повествования и погодные записи: о низложении митрополита Исидора и поставлении спустя много лет Ионы; о неудачном походе против казанских татар; об усобице великого князя и его родственников, приведшей к его ослеплению, о походе на Новгород в 1456 г. Характеристика князя дана в основном через действия. Рассказывая о смерти Василия, летописец называет его «единовластец» [7, с. 109] и упоминает о его церковном строительстве.

Сдержанно представлена в летописи личность Василия III Ивановича. Запись о его рождении соединена с сообщением о крещении и не развернута: «Лета 6987-го месяца марта в 25 день родися великому князю Ивану Васильевичу *богонадежный* сын, великий князь Василий...» [7, с. 115]. Рассказывая о смерти Ивана III, Сназин характеризует его сына: Василий «*богодарованный* наследник державы царствия его, *христолюбивый* великий князь» [7, с. 124].

Деятельность Василия Ивановича, в том числе походы на Смоленск и покорение Пскова, отражены в кратких записях. Много сообщений о взаимоотношениях с Казанью и строительстве не только в Москве, но и в других городах, в том числе основании Новодевичьего монастыря, о чудесах, перенесении мощей московских князей и прочих событиях.

О рождении сына у Василия сообщается примерно так же, как о рождении его самого: «Лета 7039-го месяца августа в 25 день *по богодарованной благодати* великому князю Василью Ивановичу всеа Руси родися ему сын Иоанн...» [7, с. 128], и так же дальше следуют сведения о крещении. Еще короче сообщение о рождении Георгия.

Сообщая о смерти Василия, летописец использует постоянные книжные эпитеты, подчеркивающие его благоверие: «Лета 7042-го преставися *благоверный христоробивый государь царь* и великий князь Василий Иванович всеа Руси декабря в 4 день, на память святых великомученицы Варвары...» [7, с. 129]. Похвальное начало в облике этих князей ослаблено, они показаны главным образом в действии.

За пределами периода, описанного в СК, обнаруживается только один идеальный правитель. Федор Иоаннович до восшествия на престол представлен упоминаниями о его рождении в перечислении сыновей, рожденных царицей Анастасией [7, с. 130], и в отдельных сообщениях об официальных событиях, в которых «благоверный» [7, с. 139] царевич принимал участие.

Торжественному сообщению о воцарении Феодора предшествует примечательное упоминание о том, что Иван IV поручил боярам Никите Романовичу и Ивану Петровичу Шуйскому «правити по себе великия Росии царство державы своя и сына своего *благоверного* царя Феодора Ивановича самодержца, в самодержательстве его умудряти и во всяком благоприятельстве снабдевати, <...> *яко не могуща управляти Росииского государства державства*» [7, с. 143]. Это недоверие грозного царя к наследнику престола не оправдывается дальнейшим повествованием, поскольку Федор Иоаннович с момента вступления на престол получил исключительно положительную характеристику: «...восприим скипетр Росийского царствия *благоверный* сын его государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси. Тогда во всем царствии его *благочестие* крепче соблюдашеся, и все православное христианство безмятежно и в тишине пребывающе и друг со другом светло и радостно ликующе <...>. *Благородный же и благовенчанный* государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси самодержец не точию убо в телесных добротех сияше, но и душу мужественну являя и *благодатьми* светящуюся отвсяду, правдою и целомудрием и чистотою и смиренномудрием присно украшающе себе, лъсти же и лукавства и всякаго зла отнють всяконенавистен бысть

и сих весма да удаляясь, и не храня вражды всякия, ниже злобы внимая, ни гнева в сердцы своем места дающе, но ко всем всегда бысть *тих и милостив и кроток*» [7, с. 143]. Вначале летописец подчеркивает результат правления царя, а затем обращает внимание на личные качества православного правителя, которые сказались на благополучии страны, и раскрывает их с помощью многочисленных эпитетов, метафор, однородных членов.

Повеление Федора Дмитрию с матерью жить в Угличе летописец комментирует: «глаголют же неции», что повеление было отдано по совету Бориса Годунова [7, с. 144]. Краткие записи сообщают о деятельности царя: походах против литовцев, шведов и крымцев, строительстве Белого города в Москве, множества храмов в разных местах, городков на южных границах Руси.

Рассказывая о кончине царя, Сназин точно указывает время смерти и место погребения, но без особых эмоций: «Лета 7106-го году месяца генваря в 7 день преставися государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси, и погребоша его, государя, честно патриарх Иев со всеми властми и со всем освещенным собором на Москве, в соборной церкви архангела Михаила, в приделе Иоанна, писателя Лествицы, подле отца его, царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси. Царства его бысть 15 лет и десять месяц, всех лет поживе 33» [7, с. 146]. Знамением этой ранней кончины летописец считал землетрясение в Нижнем Новгороде, разрушившее церковь в Печерском монастыре, которое было описано ранее.

«Идеальные» правители, изображенные Сназиным, наделены прежде всего качествами и деяниями добрых христиан, находящихся под божественным покровительством, в их характеристиках, данных летописцем, большое количество хвалебных эпитетов и гипербол. Для оценки персонажей используются прямые авторские характеристики, сообщения об их восприятии подданными и врагами, с их правлением связаны разнообразны чудеса и знамения.

Можно выделить в МЛ группу великих князей, которые показаны в разноплановых событиях, характеризующих их как с положительных, так и с отрицательных сторон, при этом авторская оценка проявляется далеко не в каждом случае.

Первый эпизод из жизни Ярослава Владимировича, упомянутый летописцем, изображает князя как сына, благодаря влиянию «неких

враждотворцев» [7, с. 50] готового идти против воли отца и не дать ему дани от Новгорода. В этом случае эпитет, называющий советчиков князя, отчетливо показывает отношение летописца к ним, а косвенным образом и к решению князя. Узнав о решении Владимира пойти против него с войском за послушание, «Ярослав же слышав сия и ужасеся, и приведе тогда многия варяги из-за мория, но *бояшася* воинства отца своего» [7, с. 50]. Это замечание не добавляет привлекательности герою, хотя никакой оценки летописец в этом случае не дал. Сообщается лишь о том, что болезнь Владимира предотвратила усобицу.

В дальнейшем Ярослав оправдывает данное ему прозвание Мудрый, причем подробнее всего сказано о его борьбе против Святополка Окаянного, в которой он оценивается эпитетами: «*благочестивый самодержец великий князь* Ярослав Владимирович *Богом подвизаем во отмищение святых крови, праведных своих братий»* [7, с. 51]. В форме погодных записей перечислены основные события жизни князя, в том числе строительство в Киеве. Второй пространный рассказ посвящен кончине Ярослава и его наставлению сыновьям, пересказанному летописцем: «в любви пребывати и божий страх имети, и отчество державство в мире и благочестии исправляти» [7, с. 53]. Финальная характеристика князя содержит похвальные эпитеты и сравнение с Владимиром, возвышающее его как христианского просветителя: «*Богомудрый же* Ярослав сие *вседушно подвизася о утвержении православия, яко же и святыи отец его Владимир*, и тако *богоугодно* поживе, и старости моститы достиже» [7, с. 53], «со многим благодарением *святую и боголюбивую* душу предаст Господеву», и «плакахуся по нем вси людие» [7, с. 53]. В процессе рассказа о событиях Ярослав представлен разносторонне, летописец не опускает повествования, связанного с его отрицательными качествами, но и положительные оценивает по достоинству.

Всеволод, упомянутый как любимый сын Ярослава в рассказе о его кончине, наделен восхваляющими эпитетами: «*Боголюбивый же отчелюбец»* [7, с. 53], «*благочестивый великий князь»* [7 с. 55]. И в то же время летописец рассказывает о «змеином» знамении во время охоты Всеволода, описанном в СК, прямо осуждая эту забаву: «Бог же милосердием своим возбраняющим его таковое *безчинство* и в той час показа чуду ужасно» [7, с. 55], после чего «великий же князь Всеволод наипаче сугубо страх божий притяжа и всякаго пустошнаго глумления не внимаша и во всем воли божию жити и державствовати

тщашеся» [7, с. 55]. Фактически этот эпизод показывает, что понадобилось вмешательство небесных сил, чтобы отвратить князя от нечестивой забавы. Эпитеты, вновь подчеркивающие черты князя как доброго христианина, сопровождают сообщение о смерти Всеволода: *«Христолюбивый великий князь Всеволод Ярославич, последнее изнемогая и благодарствуя Бога, и тако в тихости и кротости с миром преставися к Богу»* [7, с. 56].

Правление Ивана Даниловича дважды сопровождается мыслью о принесенном им Руси мире: «и бысть по всей земли тишина¹» [7, с. 81] в момент вступления на престол в 6811 (1303) г., «и бысть тишина на земли велия» [7, с. 84] под 6836 (1328) г. Развернутая с помощью эпитетов и метафор похвальная характеристика князя дана митрополитом Петром, приехавшим в Москву, который «видяше бо в нем **благочестия** держателя сего боголюбиваго великого князя Ивана Даниловича, **православием сияюща**, и **богоугодно** живуще, и всякими **добрыми** дела украшена, и **милостива** до нищих, и честь **велию** воздающе служителем божиих церквей и тех учению внимающа» [7, с. 82]. Толкуя видение о снежной горе Ивану, митрополит характеризует его сравнениями и эпитетами: князь *«яко гора, высока и превелика, богоугодно и довольно царствовав и, яко **доброплодная** маслина, **благородная** чада породив и в **добром** наказании воспитав»* [7, с. 82]. Концентрация простых и сложных эпитетов, в том числе с синонимичными корнями *благо-* и *добро-* подчеркивает панегирический характер изображения Ивана Калиты. Такой оценке соответствует большинство сообщений, помещенных под 6833–6841 (1325–1333) гг., которые рассказывают об основании храмов, монастырей и строительстве деревянного Кремля в Москве по его указанию.

В то же время некоторые события, в которых участвовал Иван Данилович, передаются кратко и без оценок, но сами по себе они отражают неоднозначность деятельности князя. Так, под 6830 (1322) г. записано: «Князь Иван Данилович прииде из Орды, а с ним посол Ахмыш, и много христиан посекоша и поплениша, а град Ярославль сожгоша» [7, с. 83]. В 6847 (1339) г. по указанию хана князь посылает Константина Васильевича Суздальского и других князей вместе с татарской ратью на Смоленск, осада которого оказалась безуспешной [7, с. 85].

¹ «Тишина. <...> 2. Мир, отсутствие войн» [8, с. 362].

Как и в изображении предшествующих князей, на первый план в характеристике князя Ивана Калиты поставлены черты доброго христианина и ярко проявляется панегирическая оценка, а политическая его деятельность остается в тени, возможно, потому, что не всегда однозначно характеризует его.

Кратко рассказал летописец о правлении Симеона Ивановича Гордого: упоминаются возвращение им из Орды в Литву литовских князей и поход к Смоленску без всяких оценок. Зато вполне определенно отрицательное отношение высказано в связи с отказом от первой жены Евпраксии из-за отсутствия детей и второй женитьбой: «Не восхоте закона божия и милостынею умолити Бога, но преступлением закона восхоте получитьи желание свое, сего ради не получи, точию грех себе приобрете» [7, с. 85].

Повествование об эпохе правления Ивана III занимает в МЛ одно из самых значительных мест. Рождение князя отмечено под 6948 (1440) г. торжественной записью, наполненной эпитетами: «...во вся концы земныа знаема и славна, пресловуща, мир же и тишину, и правду утверждающа, сего настоящего светлейшаго самодержца благовернаго и христолюбиваго...» [7, с. 104], упомянуто и пророчество Михаила Клопского о будущем правителе.

Иван Васильевич, представленный как усмиритель Новгорода в походах 6980 (1472) и 6986 (1478) гг., охарактеризован противоречиво — и как благоверный царь, победитель, и как жестокий правитель: «Того же году богомудрый же благочестия ревнитель достохвальный, супостатом ревнитель и победитель и собратель Богом дарованнаго ему началнейшаго отчества великий князь Иван Васильевич владимерский и новаградский и всеа Руси самодержец возвратися из Новаграда к Москве с великою победою <...>, победив своя супостаты, **казнил** противящихся ему и нехотящих повинутися ему **жесток**о, а иных отступников новоградцев, их же всех помощию божиею приведе во свою волю, и много богатства получи и велику славу приобрете» [7, с. 112]. Усмиря мятежников в 6988 (1480) г., князь «поимал больших бояр новоградцких и боярынъ, богатство же их и села на себя отписать повеле, им же подавая поместья на Москве [и] по иным градом. Прочиих же бояр, крамолюющих на него, повеле заточити в темницах по градом» [7, с. 116].

Многие события правления Ивана III представлены в форме кратких повествований: походы на казанцев, знаменитое стояние на Угре,

захват Твери, борьба с еретиками и другие. Значительное количество погодных записей, посвященных знамениям и чудесам, перенесению мощей святых в Успенский собор и иным событиям, не содержит прямых характеристик великого князя, но, несомненно, свидетельствует о богоугодном характере его правления.

О «нестроениях» в великокняжеском семействе говорится мимоходом: «Лета 7007-го марта в 21 день великий князь Иван Васильевич всеа Руси начал жаловати и любити *Богом избраннаго* сына своего, великого князя Василя. И тогда нарек его государем и великим князем и дал ему великое княжение Великий Новгород и Псков...» [7, с. 123], и дальше упоминается, что до этого князь гневался на жену и сына «некоих ради людцких крамол» [7, с. 123].

В рассказе о завещании Ивана сыновьям он назван «*благочестивый, христолюбивый* великий князь», о кончине его летописец говорит: «во мнозе благодарении со истинным покаянием причастився божественных пречистых таинств животворящего тела и крови Христа Бога нашего, к нему же с миром и душу свою испусти...» [7, с. 125].

Противоречивые черты успешного и в то же время жестокого правителя есть и в характеристике Ивана IV, изображенного в основном через пространный рассказ о событиях его царствования и отдельные авторские оценки, о чем мною было подробно сказано в предшествующей работе [5].

Источниками сведений о событиях последнего столетия, после пресечения прямой линии династии Рюриковичей, для Сназина были летописные тексты, в том числе Новый летописец, произведения о Смуте и собственные впечатления.

Борис Годунов упоминается летописцем в различных событиях еще до его венчания на царство. Это рассказ о расправе с боярами и митрополитом Дионисием, пытавшимися развести Федора с Ириной из-за бездетности (по отношению к нему и его помощникам использованы эпитеты и сравнение «*змиеобразныя лсти злых советников и лютых нравы, <...> аки зверие* растерзают» [7, с. 144]; замечание, что царевич Дмитрий был убит по его повелению [7, с. 144], поездка по указанию царя в Смоленск для закладки каменного города [7, с. 145–146]).

В отличие от предшествующих правителей, в сообщениях об избрании на царство и последующих Борис очень редко определяется восхваляющими и церемониальными эпитетами, чаще летописец на-

зывает его просто «царь». Только под 7108 (1600) г. упомянуто, что освящение церкви Воскресения в Павлове монастыре в Новгороде произошло «при *благочестивом* царе и *великом* князе Барисе Феодоровиче всеа Русии *самодержце*» [7, с. 147].

После венчания на царство Борис пировал и жаловал многих «великих людей». Но в тот же год «доводиша холопи боярские на баяр своих по научению царя Бориса Федоровича» [7, с. 147], успех наговоров привел к тому, что начались бесчисленные доносы, «и от тех доводов множество *неповинные* крови пролияшась, и многие баяре и жены их и дети в заточение розосланы быша и помроша напрасно» [7, с. 147]. Пригласив в Россию датского королевича, желая выдать свою дочь за него, Борис потом приказал уморить его, «не пощаде дочери своей» [7, с. 147], потому что увидел, как все полюбили царевича, и испугался, «что по смерти ево не посадят на царство сына ево» [7, с. 147].

В то же время рассказывается о завершении строительства крепости в Смоленске и укреплении города Борисова по приказу Годунова, о поездке царя с семьей к мощам преподобного Макария Калязинского, для которых он приказал сделать серебряную раку, т. е. передаются черты разумного правителя и доброго христианина.

Летописец подробно повествует о голоде и море, которые были в 7110 (1602) г. И тут же метафорически говорит о судьбе Бориса: «Тогда же и ино зло *некое* рассыпая по земли Рустей, и яко *облак* *злосых* *дыхательный* и *темности* *пучина* безпрестанно. От страны, зовомыя Северския, *прииде* и *пред очима* *всех* *излияся*, и *над главою* *Бариса* *царя* *ста*, и тако *скрежетом* *сердечным* *возгреме* *ему*, царю Барису; что ж убо повем *сице*» [7, с. 147]. Нестроения продолжаются восстанием Хлопка, против которого Борису приходится послать войско, а затем появляется Лжедмитрий.

Неожиданная смерть Бориса сопровождается кратким сообщением, явно несходным с предыдущими аналогичными: «Царства же его было 6 лет и полосма месяца; остави царство сыну своему Феодору Борисовичю» [7, с. 150]. Именно Борис из всех московских правителей, получает наиболее противоречивую характеристику, главным образом, через действия. В сочетании с отсутствием положительно-оценочных художественных средств в рассказе о его деятельности как православного правителя такое изображение, безусловно, свидетельствует о неприязненном к нему отношении летописца, хотя пря-

мо оно почти не высказывается. В то же время он не представлен как отрицательный персонаж, возможно, потому, что автор считал его избрание на соборе законным.

Федор Борисович не охарактеризован, говорится только о том, что ему целовали крест, а потом посланные Лжедмитрия убили его вместе с матерью.

Исключительно отрицательным персонажем изображен Лжедмитрий I. В отличие от некоторых сочинений о Смуте (например, «Летописной книги»), признававших в нем отдельные достоинства, Сназин называет фрагмент, посвященный ему, «О настоящей беде Московскому государству» [7, с. 149], а самого героя изначально именует «вором и еретиком и розстригой» [7, с. 149] (это сочетание повторяется еще дважды: в момент прихода Отрепьева в Москву и его убийства [7, с. 151]). Излагая его историю, летописец дважды определяет его метафорой «дияволу сосуд», говорит, что он «дияволом научен» [7, с. 149], семь раз он назван «окаянным» [7, с. 149–150] (до него этот эпитет устойчиво относился только к Святополку Владимировичу), пять раз повторяется эпитет «вор» [7, с. 150–151]. Рассказ о его поведении, нарушающем монашеские правила, постоянный обман, обещание, данное полякам «с ними быти во единой латынской еретической вере» [7, с. 150] не оставляют сомнения в однозначном отношении к нему Сназина. Поэтому его убийство и выставление его тела «на Пожаре три дни всему народу на показание» [7, с. 151] не вызывает сочувствия автора.

Очень кратко сказано о выборе царем Василия Шуйского и его взаимном крестоцеловании с боярами и венчании на царство [7, с. 151]. Новый царь сместил патриарха Игнатия, заменив его Гермогеном, из Углича были перенесены мощи царевича Дмитрия, царь сам ходил к Туле против войска Болотникова, боролся против появляющихся самозванцев. Рассказывается также о смещении царя боярами и насильственном пострижении.

Прямая характеристика Василию дана только в последнем эпизоде, когда его пленного привезли под Смоленск к королю Сигизмунду и требовали поклониться королю. «Он же *крепко мужественным своим разумом* напоследок живота своего *даде честь Московскому государству* и рече им всем: “Не подобает московскому царю поклониться королю; то судьбами есть праведными божиими, что предан в плен; не вашими руками взят, но от московских изменников, от сво-

их раб отдан бысть» [7, с. 154]. Уважительное отношение Сназина к персонажу косвенно проявляется только в этой сцене.

Эпитетами, подчеркивающими богоизбранность, характеризуется Михаил Феодорович: «И выбраша от сродства царскаго *достохвальнаго и святаго государя царя и великого князя* Михаила Феодоровича всеа Руси самодержца... Он же *благочестивый* государь того и в мысли не имяше и не хотящу: бывшу ему в то время у себя в вотчине, тово и не ведаше, да *Богу он годен бысть*» [7, с. 157]. Передано народное одобрение в связи с появлением царя: «*быша на Москве радость велия*» «людие же *видеша себе свет* и не имяху себе веры, не чаяху себе *такия радости*» [7, с. 157]. Основные события, произошедшие в правление Михаила, в том числе заключение перемирия с поляками, посольства к окрестным государям, поставление в патриархи Филарета, две женитьбы царя, рождение и крещение детей отмечаются краткими записями, в которых он получает только официальное титулование.

Под 7137 (1629) г. кратко сообщается, что родился «*благочестивый*» царевич и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси» [7, с. 160]. Упоминания о кончине и погребении Михаила [7, с. 163] и венчании на царство его сына также сдержанны, но при этом летописец обращает внимание на изменение именования московского правителя в царствование Алексея, в котором содержатся сведения о его военных победах: «Как государь венчался царским венцем, писали государю титулу в челобитных, как и прежним государем: царю государю и великому князю Алексею Михайловичю *всеа Руси*. А как помощию божиею пленил Литовскую землю и Малую и Белую Росию, и оттоле начаша писати: *всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу*» [7, с. 164].

Вообще в этой части летописи преобладают краткие, почти документальные сообщения, увеличивается число упоминаний и рассказов о церемониальных моментах, в том числе помещается чин бракосочетания царя Алексея и Марии Милославской. Правитель лишается индивидуальных характеристик, которые заменяются официальными титулованиями, и по существу Сназин делает акцент на изображении через события. Например, в статье 7160 (1652) г. сообщается, что царь приказал привезти в Москву мощи митрополита Филиппа, а дальше говорится: «Никана же, митрополита новгородскаго, пожаловал государь на патриаршество, без жеребья изволил быть» [7, с. 169]. Как оценивал это назначение летописец, понять невозможно.

Множество событий правления Алексея Михайловича передается погодными записями или краткими повествованиями, напоминающими отчеты о важных событиях, с перечислением участников. Так представлены восстание 7156 (1648) г. в Москве против бояр, посольство на Соловки для перенесения мощей митрополита Филиппа, поход на Смоленск, вернувший его Московскому государству [7, с. 169], собор об исправлении книг, во время которого правитель именуется торжественно, с помощью ставших постоянными в МЛ эпитетов: «*благочестивый и христоролюбивый* государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец» [7, с. 169], прием английского посольства, рождение царских детей и другие события.

В статье 7171 (1663) г. упоминается происшествие, которое, казалось бы, могло вызвать определенную авторскую оценку, но она отсутствует: «Завистию вражиею грех ради наших учинися на Москве от пометных писем мятеж, и множеством ходили бити челом с Москвы чернь к государю в Коломенское. И тогда государю был поход, и *много мятежников за их невежество посечено и перевешено*» [7, с. 170].

Только одна характеристика в этой части летописи носит личностный и даже поэтический характер. Это метафорическое сообщение о смерти Алексея Михайловича: «Лета 7184-го году февраля в 28 день с субботы на неделю в третьем часу ночи *угасе свещи страны руския, померче свет православия*, прият нашествие облака смертного. *Остави царство временное, отоиде в жизнь вечную*, преставися государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец» [7, с. 172]. Горестные чувства, испытываемые летописцем, подчеркнуты световыми метафорами, перифразами, ритмическим строем, создающимся с помощью синтаксически параллельных конструкций с инверсией, и только в конце дается официальное титулование Алексея, контрастирующее с лирическим тоном большей части сообщения. Как современник, работавший для патриаршего скриптория, Сназин мог быть знаком с царем, поэтому упоминание его кончины отличается от аналогичных сообщений за XVII в. Кроме того, эпоха бунтов, наступившая вскоре после смерти Алексея, возможно, заставляла взглянуть на его правление как благополучное.

К документальному изложению прибег летописец, сообщая о погребении царя в Архангельском соборе.

Рождение Федора Алексеевича отмечается точным указанием на время и соединяется с сообщением о крещении: «Лета 7169 году майя в 30 день родися государь царевич и великий князь Феодор Алексеевич всеа Руси в четверг в последнем часу дни, на память святого преподобного отца нашего Исаия Долмацкого, а имя ему, государю, дано впредь в девятой день июня в 8 день святого великомученика Феодора Стратилата» [7, с. 170]. За короткое правление Федора упоминается заключение договора с Польшей, две женитьбы, рождение сына, смерть первой жены. Сообщение о кончине царя кратко и содержит церемониальное титулование, а рассказ о погребении аналогичен сообщению о погребении его отца с несколькими снятыми деталями.

Свидетельство Сназина о рождении Петра не отмечено никакими эпитетами: «Лета 7180 году майя в 30 день за час до света родися государь царевич и великий князь Петр Алексеевич от другой царицы и великой княгини Натальи Кириловны, а имя ему, государю, дано впредь в 14 день святых верховных апостол Петра и Павла» [7, с. 171].

В статье 7189 (1681) г. появилось подробное описание явления звезды, хвостом стоящей в сторону Московского государства, что предвещало, по мнению летописца, «нестроение... кровное пролитие многое и междоусобные брани, и войны великие» [7, с. 173]. Воплощение предсказанных знамением нестроений сразу определено: «от стрельцов и от солдатов учинилося смятение великое, бояр порубили и невежеством своим в царские и в царицыны и в царевнины хоромы ходили, бояр обыскивали» [7, с. 173].

Заключительная статья летописи посвящена чрезвычайно подробно изложенной истории стрелецкого бунта 1682 г. и написана, по мнению исследователей, очевидцем событий [3, с. 24, 28, 42]. Возникновение бунта объяснено избранием на царство Петра, «меньшого брата» «мимо большего его брата царевича Иоанна Алексеевича» [7, с. 173], вследствие чего стрельцы распустили слух, что бояре убили старшего из царевичей.

В сценах стрелецкого бунта вся царская семья представлена беспомощной что-либо изменить. Юный царь самостоятельно вообще не показан. В результате трагических событий 26 мая летописец сообщает об избрании на царство и «другова государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича» [7, с. 176], после чего во всех событиях братья упоминаются вместе: «государи цари и великие князи <...> всеа Вели-

кия и Малыя и Белыя Росии самодержцы» [7, с. 176]. Только в сообщении о пожаре, случившемся после возвращения государей из Троицкого монастыря в Москву, упомянуто, что загорелись хоромы Петра.

Действующие в момент написания летописи правители изображены Сназиным только в реальных событиях и лишены оценки автора. Такой подход вполне объясним: во-первых, оба царя были малолетними и еще не могли проявить себя, во-вторых, летописец был их современником и вынужден был оставаться сдержанным.

Таким образом, наряду с идеальными правителями в МЛ изображены великие государи, проявлявшие разные стороны характера в различных событиях. В зависимости от значения их деятельности для судьбы Московского царства летописец либо сочетал похвальные характеристики с упоминанием событий, выявляющих отрицательные черты личностей героев без их оценки, либо прибегал только к изображению через действия. Рассказывая о Борисе Годунове, Сназин сделал акцент на событиях, отражающих коварство и властолюбие царя, не забывая при этом приводить и факты, характеризующие его как достойного православного правителя, однозначно отрицательным персонажем показан Лжедмитрий I как узурпатор.

Группа второстепенных героев — князей, не занимавших великокняжеского престола, чрезвычайно велика. Они появляются в МЛ в рассказах об отдельных событиях, причем чаще всего эти эпизоды содержат чудеса или видения, многие из них отражены в СК, либо речь идет о канонизированных князьях. В изображении некоторых правителей сделан акцент именно на чудесные явления, связанные с ними, а их поступки передаются кратко. Так охарактеризован Мстислав Владимирович: упомянуты его переход из Новгорода в Белгород, вокняжение в Киеве после смерти отца, построение Федоровской церкви и кончина. Но самый обширный рассказ, восходящий к новгородским источникам [1, с. 368–369], связан с его чудесным исцелением от круглой иконы Николая Чудотворца, приплывшей в Новгород [7, с. 57–58]. В этом сюжете летописец перепутал и мирское, и крестильное имена князя, вместо Мстислава Владимировича, в крещении Феодора, он назван Мстиславом Святославичем, в крещении Георгием, причем путаница берет начало уже в новгородских летописях. Князь проявляет христианское смирение в тяжелой болезни и веру, которая помогает ему избавиться от недуга.

Кратко перечислены основные события жизни князя Всеволода-Гавриила, значение которых наиболее подробно раскрывается эпитетами в сцене оплакивания его народом: «плачущесе и рыдающе мужие, яко *оборонителя и забрала граду Пскову от поганных немец, вдовицы и сироты и болящия, яко отца и заступника, и кормителя, и посетителя печальным, яко утеха и наказателя*» [7, с. 59]. Зато подробный рассказ объединяет чудеса у его гроба: в момент погребения и произошедшее «минувшим многим летом» [7, с. 59].

В тех случаях, когда поводом для рассказов о князьях служат чудеса, произошедшие с ними или в их правление, развернутых прямых характеристик они, как правило, не получают, сами чудеса свидетельствуют о Божием покровительстве им. О жизни Андрея Владимировича, младшего из сыновей Владимира Мономаха, ничего не сказано, но сообщение о его смерти сопровождается чудом: «три сонца сияют и от земли три столпы до небеси, дондеже погребоша его» [7, с. 59]. Кратко изложен рассказ о гибели в Орде и посмертном чуде Михаила Черниговского и боярина Феодора, князь определен эпитетами «благочерный» и «святой» [7, с. 72]. Дважды появляются чудеса, связанные со смертью Дмитрия Красного, при этом в обоих текстах просто излагаются события [7, с. 104–105, 106–107].

Андрей Боголюбский показан в основном в действии: переносит икону Богородицы из Киева, строит Успенский собор и Золотые ворота во Владимире, вместо сгоревшего деревянного Успенского храма в Ростове «богохранимый» князь ставит каменный [7, с. 61]; побеждает с помощью чудотворной иконы Богоматери Владимирской волжских булгар и в честь победы устанавливает праздник Всемилоственного Спаса вместе с императором Мануилом, в тот же день победившим сарацин. Рассказано и о чудесном обретении мощей Исайи и Леонтия Ростовских в правление Андрея. Основные черты князя определяются оценочными эпитетами «*боголюбивый великий князь*», «*государь благочестивый царь и князь*» [7, с. 64]. В рассказах о междоусобице с новгородцами оценки князя отсутствуют, а в кратком повествовании об убийстве Андрея упомянуто оплакивание его владимирцами («*вземше тело его со многими слезами, внесоша во град Владимир...*» [7, с. 65]), свидетельствующее об отношении к нему горожан.

Летописец приводит отдельные эпизоды, связанные с князьями, прославившимися военными победами, оценивая их традиционны-

ми эпитетами и сообщениями об их деяниях: «*храбрый* князь Роман» [7, с. 65], «Роман Мстиславич... престол же киевского самодержавствия пренесе от Киева в Галич, и писася всеа Русии самодержец» [7, с. 66], «великий князь самодержец Роман» [7, с. 67], «Сей Мстислав Мстиславич бяше *зело храбр*, венгерскую или угорскую и польскую силу порази и держа Коломана з женою его у себя во юзах» [7, с. 67], «*великий самодержец русский* Мстислав *Храбрый*» [7, с. 67]. Даниилу Галицкому свойственны воинская доблесть и благоверие, подчеркнутые отношением врага и прямым указанием на качества: «Великий же росийский князь Данило *зело честен* бысть от злочестиваго Батыя за *великую храбрость* его, а от папы римскаго чрез послальники венчан бысть на царство росийское, обаче веру православную крепко утверди и в ней до кончины живота своего пребысть, яко все летописцы росийски, ческийи, польскийи свидетельствуют» [7, с. 71]. Довмонт и Дмитрий Александрович изображаются воинами-победителями: «и славна бысть земля их во всех странах, *страхом и грозою и храбрым* великого князя Димитрия и Доманта, русских князей» [7, с. 76].

Некоторые правители показаны только через события (Юрий и Константин Всеволодовичи, Рюрик Ростиславич, Всеволод Ольгович), так же как большинство князей, участвовавших в битвах с Батыем и междоусобных распрях XIV–XV вв.

В статье 6745 (1237) г. помещена сокращенная редакция «Повести о разорении Рязани Батыем»². В основном князья изображаются в действии, только Федор назван «благоверным» [7, с. 68] и Олег Ингорович определяется эпитетами «красен и храбр» [7, с. 69]. Рассказывая об оплакивании и погребении родных Ингварем, летописец сохраняет описание его чувств: «И восплакася вельми, и паде на землю, аки мертв, и едва отлияша его водою и носяще на ветр, и едва отдохну» [7, с. 70], «и восплакася вельми и слезы ото очию яко струя испусти» [7, с. 70]. Хотя обширный плач князя, раскрывавший его состояние, полностью снят из текста, но сохранившиеся упоминания о чувствах служат ему дополнительной характеристикой.

² В новейшей работе И.А. Лобаковой, посвященной поздним летописным редакциям повести, упомянуто, что в МЛ вошла редакция ЛС1652 [3, с. 475–476], при этом исследователь утверждает, что до этого ЛС1652 не был отмечен как источник МЛ, что неверно (см.: [2, с. 2–25, 36–37]). О связи повести о разорении Рязани в МЛ с ЛС1652 см. также: [4, с. 88–89].

Достаточно полный и единый рассказ, передающий основные события жития, посвящен Федору Ростиславичу Смоленскому и Ярославскому. Летописец подчеркивает черты князя как благоверного правителя, дает прямые оценки его личности, акцентируя христианское смирение. Когда Федор был обделен братьями уделом, «онже не враждуя, но *терпя благодаря Бога*» [7, с. 79]; в Орде «пребывающу же ему в таковой чести у царя *не вознесся сердцем* и слава мира сего не отлучи его от любве божия, но пребываше в заповедех божиих» [7, с. 79], а вернувшись в Ярославль, «державствуя *благочестно и благоугодно* и до старости» [7, с. 80].

Иногда упоминается всего одно событие, связанное с жизнью князя. Например, в статье 6753 (1245) г. помещена запись: «Того же году июля в 8 день убиени бысть *святии благовернии* князие Василий и Костянтин, ярославские новые чюдотворцы, от безбожнаго царя Батыя» [7, с. 72], а затем сообщение об обретении мощей этих святых зафиксировано под 7009 (1501) г. [7, с. 123].

Таким образом, Сидором Сназиным выстроена определенная система образов правителей, связанная с мыслью о покровительстве Божьем Руси как хранительнице православия. В соответствии с этой идеей князья дохристианского периода наделены могуществом, мужеством, воинской доблестью, способствующими успешной защите и утверждению славы своей земли как предтечи основных героев. Эти качества передаются через изображение действий князей, часто гиперболизированных, иногда с помощью характеристики другими персонажами.

Основные герои, наиболее полно представленные в событиях, характеристиках другими персонажами, системой художественных средств, — московские князья и их прямые предки. Видимо, с появлением исторической концепции «Степенной книги» утвердилось именно такое восприятие истории Московского государства. Важнейшими качествами этих персонажей становятся благочестие, забота не только о политическом, но и о духовном благополучии Руси. Летописец приводит максимальное количество событий, произошедших во время правления этих князей, часто дает похвальные характеристики им в момент рождения или кончины. В то же время летописная традиция сыграла свою роль в повествовании об этих князьях: некоторые из них предстают обладателями противоречивых черт характера, рассказы об их действиях, по большей части не содержащие прямых оце-

нок летописца, иногда нарушают принцип идеализации, свойственный СК.

Второстепенные герои — князья, прославившиеся деяниями во славу Руси и христианства, в том числе местные и общерусские святые, — охарактеризованы через отдельные события, часто через чудеса. Их изображение исходит либо из житий, либо из летописных сводов более раннего времени. Основной способ их характеристики — действия и отдельные художественные средства.

Система тропов, изображающих главных персонажей, включает разнообразие эпитеты. Многие из них использовались в литературе XVI в. и приобрели устойчивый характер, в том числе сложные эпитеты с первым корнем благо-, бого-, добро- (благоверный, благочестивый, боголюбивый, богохранимый, добродетельный и др.) Вообще двухкорневые эпитеты, восхваляющие князей, широко использованы Сназиным, часто для характеристики героев прошлого он прибегает к их нанизыванию в духе эмоционально-экспрессивного стиля, переплетая с метафорическими и гиперболическими образами.

Рисуя образы царей-современников, летописец прибегает к более сдержанному стилю, граничащему в ряде случаев с документальным. Используется официальная титулатура, носящая устойчивый церемониальный характер («благоверный царь и великий князь»), фактически же лишенная эмоциональной оценки, лишь изредка появляются тропы.

В целом подчиненная авторскому замыслу система изображения персонажей отличается стремлением к объективности, опорой прежде всего на факты, характеризующие исторических лиц. Такой подход опирается на летописную традицию, проникшую в исторические сочинения XVII в., а художественные средства, восхваляющие правителей прошлого, восходят к приемам житий и СК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Азбелев С.Н. Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов / отв. ред. Д.С. Лихачев. С. 364–370.
- 2 Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». 2-е изд., испр. и доп. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 218 с. DOI: 10.23681/495856

- 3 Лобакова И.А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе летописных сводов XVII в. // ТОДРЛ. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. Т. 69 / отв. ред. С.А. Семячко. С. 469–494. DOI: 10.31860/0130-464X-2022-69-469-494
- 4 Трофимова Н.В. Воинское повествование в Мазуринском летописце // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 83–93.
- 5 Трофимова Н.В. «И бысть царь славен». Изображение Ивана Грозного в «Мазуринском летописце» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 455–466. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-455-466>

Источники

- 6 Богданов А.П. Исидор Сназин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. [Вып. 3]: XVII век. Ч. 2: И—О. С. 122–124.
- 7 Мазуринский летописец / ПСРЛ. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. Т. 31. С. 11–179.
- 8 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2011. Вып. 29 (Сулегы – Тольмиже). 480 с.

REFERENCES

- 1 Azbelev, S.N. “Novgorodskie mestnye letopisty” [“Novgorod Local Chronicles”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 15: For the Fourth International Congress of Slavists, resp. ed. D.S. Likhachev. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1958, pp. 364–370. (In Russian)
- 2 Bogdanov, A.P. *Letopisets i istorik kontsa XVII veka: Ocherki istoricheskoi mysli “perekhodnogo vremeni”* [Chronicler and Historian of the End of the 17th Century: Essays on the Historical Thought of the “Transitory Time”]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2019. 218 p. DOI: 10.23681/495856 (In Russian)
- 3 Lobakova, I.A. “Povest’ o razorenii Riazani Batyem’ v sostave letopisnykh svodov XVII v.” [“The Tale of the Destruction of Riazan by Batu in the Seventeenth Century Chronicle Compilations”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 69, resp. ed. S.A. Semyachko. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2022, pp. 469–494. DOI: 10.31860/0130-464X-2022-69-469-494 (In Russian)
- 4 Trofimova, N.V. “Voinskoe povestvovanie v ‘Mazurinskom letopistse’.” [“The Military Narration in ‘Mazurinsky Chronicle’”]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, no. 4 (77), 2022, pp. 83–93. DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.009 (In Russian)
- 5 Trofimova, N.V. “‘I byst’ tsar’ slaven.’ Izobrazhenie Ivana Groznogo v ‘Mazurinskom letopistse’.” [“‘And He Was a Glorious King.’ The Image of Ivan the Terrible in the

‘Mazurinsky Chronicle’.”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 455–466 <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-455-466> (In Russian)

Информация об авторе: Нина Владимировна Трофимова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской классической литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Information about the author: Nina V. Trofimova, DSc in Philology, Professor, Russian Classic Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, M. Pirogovskaya St., 1/1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9001-8236>

E-mail: nv.trofimova@mpgu.su

Для цитирования: Трофимова Н.В. Изображение русских правителей в «Мазуринском летописце» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 201–230. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-201-230>

© 2024, Н.В. Трофимова

For citation: Trofimova, N.V. “Russian Rulers’ Portrayals in the ‘Mazurinsky Chronicle’.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 201–230. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-201-230>

© 2024, Nina V. Trofimova